

Галина Пономарева, Татьяна Шор (Таллин-Тарту)
Образы эмигрантов и эстонцев в повести
Б. Пильняка «Третья столица»

Повесть Б. Пильняка «Третья столица» (1922) нельзя отнести к его творческим удачам. Впервые она была напечатана в альманахе «Круг», и эмигрантский критик А. Бахрах в своей рецензии поставил ее на последнее место в книге, дав ей негативную оценку: «В повести есть несколько отдельных подлинных и ярких страниц, но взятое все вместе оставляет впечатление тяжелого, длительного и едва ли нужного бреда».¹

Чуть лучше оценил это произведение видный советский критик А. К. Воронский. В статье «Борис Пильняк» он писал: «Повесть несомненно свидетельствует о росте Пильняка как художника».² Но и Воронскому была не по нутру анархичность стиля произведения, так как он считал, что советский писатель должен быть учителем, агитатором нового строя: «Чтобы быть художником-общественником, говорить о Европе, России и III Интернационале, чтобы быть проповедником, — нужно привести свои мысли, настроения в порядок. Этого порядка, контактного с эпохой, с революцией, у писателя нет».³

Даже друг Пильняка Е. Замятин в статье «Новая русская проза» (1923) отмечал, что в повести «нет стального каркаса», поэтому писателю и не удалось «попытка сконструировать бессюжетно-бесгеройную повесть».⁴

© Galina Ponomareva, Tatjana Shor, 2010

© TSQ 34. Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

Статья написана в рамках проекта базового финансирования науки SF0130126S08.

¹ Бахрах Александр. [Рец.]. «Круг». Альманах артели писателей. Изд. «Круг». 1922 // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 14.

² Воронский А. Избранные статьи о литературе. М., 1982. С. 84.

³ Там же.

⁴ Москва-Петербург. 1923 // Новая русская книга. 1923. № 3—4. С. 13—14; Замятин Е. Мы. Роман. Повести. Рассказы. Пьесы. Статьи и воспомина-

Однако если исходить не только из художественных достоинств данной повести, а поставить ее в ряд произведений «таллинского текста» русской литературы, то окажется, что «Третья столица» представляет несомненный интерес. Пильняк впервые в русской литературе XX века изобразил Таллин не как объект туризма и курортное место, а как европейскую столицу нового лимитрофного государства. Небольшой аполитичный губернский город на окраине Российской империи за несколько послереволюционных лет превратился в политизированную столицу, где есть посольства иностранных государств, действуют несколько иностранных разведок.⁵ В городе живут много бывших военных, русских эмигрантов, а рядом с этим тревожным обществом существует внешне беззаботный мир эстонской богемы: писателей и художников, которые тем не менее хорошо помнят недавно закончившуюся войну.

Пильняк как советский писатель вращается в кругу эстонской интеллигенции, но одновременно он наблюдает за жизнью русских эмигрантов, впитывает рассказы о них, читает эмигрантскую прессу, преломляя и трансформируя всю полученную информацию в художественный текст.

Цель нашей статьи из множества причудливых линий и сюжетов повести Бориса Пильняка «Третья столица» прокомментировать таллинские (ревельские)⁶ эпизоды на основании эстонских мемуаров, дневников и писем, а также выявить круг людей, с которыми общался Пильняк в Таллине. Мы постараемся продемонстрировать, каким образом сюжеты рассказов таллинских знакомых писателя, иногда в весьма трансформированном виде, вплелись в преднамеренно «закрученный» текст повести, а также как некоторые из них становятся поименованными или анонимными персонажами его произведения.

ния. Кишинев, 1989. С. 522.

⁵ *Абисогомян Р.* Русские военные в Эстонии: 1920—1930-е гг. Таллин: Русский Дом, 2008. С. 51; *Rosenthal, R., Tamming M.* Sõda pärast rahu. Eesti eriteenistuste vastuseis Nõukogude luure ja põrandaaluste kommunistidega. 1920—1924. Tln.: SE & JS, 2010. С. 355, 362—364, 372.

⁶ В 1922 г., когда Пильняк был в Эстонии, город уже давно назывался Таллином, но Пильняк предпочитал называть его Ревелем, как его называли местные русские и эмигранты.

Первым круг эстонских знакомых Пильняка в Эстонии исследовал Р. Круус в статье «Ремизов, Кусиков, Пильняк и другие», назвавший повесть «Третья столица» — «рассказом, в котором нашли отражение его путевые впечатления». Он же определил жанр этого произведения не как повесть, а как роман.⁷ Среди лиц, имевших контакты с молодым, подающим надежды советским писателем, были именитые эстонские литераторы А. Адсон, Х. Виснапуу, П. Пылдроос, А. Кивикас и Ф. Туглас. За 3 недели пребывания в Эстонии в Таллине и в Тарту Пильняк общался также с писателями Гайлитом и В. Адамсом, журналистом В. Куресом, преподавателем психологии Х. А. Рейманом, студентом П. Пылдросом,⁸ сотрудником эстонского МИДа Д. Сарва, героем Освободительной войны У. Эйнсильдом и др.

Список эстонских знакомых можно дополнить, например, именем сотрудника издательства «Библиофил», которому Пильняк продал две книги (свою и поэтессы М. Шкапской). Возможно, это был критик Б. Линде.⁹ Кроме того, он мог общаться с некоторыми эстонскими художниками в Таллине и особенно в Тарту, во время вечера, устроенного «Палласом».

Известно, что во время своей остановки в Таллине Пильняк находился в весьма стесненных материальных обстоятельствах. 22 января 1922 г. после пятидневного пребывания в столице Эстонии он писал А. М. Ремизову¹⁰ в Берлин: «В Ревеле мы почти неделю, устал я здесь очень, — но это пустяки, главное же то, что я выехал из России почти без денег, а здесь живу совсем без денег».¹¹

В этой обстановке Пильняк пытается раздобыть хоть какие-то средства через посредство эстонских издателей и писателей. Так

---

⁷ *Kruus, Rein. Remizov, Kussikov, Pilnjak ja teised // Keel ja Kirjandus. 1983. № 5, 252-258; Nr. 6, 305-319. Ср.: Круус, Рейн. Ремизов, Кусиков, Пильняк и другие / Перев. О. Судаевой, примеч. и послеслов. Г. Пономаревой // Таллин. 2002. № 26/27. С. 182—183.*

⁸ *Põldroos, Priit. Teel enda ellu. Mälestusi. Tallinn: Eesti Raamat, 1985.*

⁹ Книгоиздательство «Библиофил» в г. Ревеле // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 36.

¹⁰ Свою повесть «Третья столица» Пильняк посвятил А. М. Ремизову — «мастеру, у которого я был подмастерьем», пытаюсь тем самым дать ключ к «раскрутке» сюжета и стиля своего произведения.

¹¹ *Ремизов А. М. Дневник. 1917—1921 / Подг. текста А. М. Грачевой // Минувшее. 16. М., С.-Петербург: Atheneum Феникс, 1994. С. 254.*

он продал издательству «Библиофил», которым руководил эстонец из Петербурга Альберт Орг, свою книгу «Былье», участвовал в литературных вечерах, устраиваемых эстонскими писателями.

В «Третьей столице», написанной сразу же после поездки за границу, несмотря на декларацию, что в повести героев нет, среди действующих «лиц»-образов мы видим Эстонию, какой она виделась писателю в 1922 г. на европейской карте в разных ипостасях: «В Европе много кладбищ. В Европе не хватает моргов. Вы знаете об этом жутком помешательстве Европы на танцах дикарей. И еще надо сказать о России. Эстония, Латвия, Литва — отпали от России. Вместе с Россией они несли все тяготы, но у них нет советов, разрухи и голода, как в России, потому что у них нет русской национальной души, русско-сектантского гипноза. Я констатирую факт — ». ¹² Эстония то возникает, то снова исчезает из текста, появляясь в самых неожиданных местах, то в связке с другими новыми государствами, а то в образе своей столицы.

Эстонские реалии возникают еще в России, в Москве, когда идет погрузка в поезд, следующий в Таллин, впрочем, композиционно этот эпизод оказывается почти в конце повести. В поезде и на перроне звучат два языка — русский и эстонский: «В Москве, с Николаевского вокзала — из колонии, имя которой Россия, ушел вагон за границу, в метрополию, он должен был дойти до порта Таллина. Он должен был уйти в 5,10, но ушел в 1,50, — это по-русски. На вокзале, ибо в эти часы не было поездов, было пустынно. В вагоне ехали эсты. Русские понимали по-эстонски только два слова: *куррат* — черт, и *якуллен* — слушаю; слушали друг друга и русские носильщики с усмешкой, и эстонские курьеры дипломатически вежливо — "якуллен", — но не понимали. Уборная в вагоне обозначалась по-эстонски, что не изменяло, конечно, ее назначения, как это бывало в России. Вагон грузили ящиками в пломбах, похожими на гроба, которые именовались дипломатическими пакетами. Потом, вместе с людьми, запломбировали вагон. Ночью вагон ушел». ¹³

В этом фрагменте Пильняк вводит в текст два эстонских выражения в русской транскрипции. Первое — это распространенное

---

¹² Пильняк Б. А. Собр. соч.: В 6 т. / Сост. К. Андроникашвили-Пильняк. М.: Терра-Книжный клуб, 2003. Т. 2. С. 289.

¹³ Пильняк Б. А. Собр. соч. Т. 2. С. 312.

эстонское ругательство *kurat* — черт, которое чаще всего приводят русские писатели, побывавшие в Эстонии. У Пильняка оно дано в фонетической транскрипции через два «р», что усиливает его экспрессивность. Второе — *якуллен* — *jah, kuulen* — да, слушаю — представляет собой два отдельных слова, которые нужны ему для обыгрывания ситуации взаимного непонимания или нежелания достичь его. На самом деле только русские грузчики не понимают дипломатов, но эстонцы, получившие образование на русском языке, их прекрасно понимают, но предпочитают это скрывать. Любопытно, что в тексте эксплицитно присутствует еще одно, якобы, эстонское слово — *уборная*. Эстонское название его Пильняк не приводит, как всем понятное, может быть и не эстонское вовсе, а просто написанное латиницей общеупотребительные в Европе *Tualett* или *WC*, но ехидно добавляет, что его «назначение» в России может меняться.

Ситуация непонимания или малой осведомленности ощущается не только на московском вокзале, но и в столице Эстонии. Так в повести описывается таллинский клуб эстонского литературного объединения «Тарапита». Группа возникла в сентябре 1921 г. и просуществовала до конца 1922 г. При ней издавался журнал под одноименным названием (редактор Ф. Туглас). В группу входили видные эстонские писатели А. Адсон, А. Алле, Й. Барбарус, А. Кивикас, Ю. Кярнер, Й. Семпер, Г. Суйтс, А. Тасса, Ф. Туглас и М. Ундер.¹⁴ У Пильняка читаем: «С вышгорода были видны снежные поля. В башне, как женская панталонина, поэты, писатели художники устраивали свой клуб с именем древнего клича — Тарапита».¹⁵ Далее он пишет, что здесь встречали некоего русского писателя, с которым общались через переводчика. По-видимому, здесь речь идет об А. М. Ремизове, который был в Эстонии в августе-сентябре 1921 г.¹⁶ Это упоминание о переводчике выглядит довольно странным, потому что большинство образованных эстонцев того времени, учившихся в русских гимназиях и университетах, еще могли свободно разговаривать без переводчика. Возмож-

---

¹⁴ *Naug, Toomas. "Tarapita" ja tarapitalased // Keel ja Kirjandus. 1983. № 1. Lk. 8–26; № 2. Lk. 61–72, 8–19, 61–72.*

¹⁵ *Пильняк Б. А. Собр. соч. Т. 2. С. 266.*

¹⁶ *Меймре А. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918–1940: На материале периодической печати. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2001. С. 77.*

но, затейливая речь русского литератора давала к тому повод, а, возможно, так эстонцы демонстрировали свою суверенность.

В статье Р. Крууса «Ремизов, Кусиков, Пильняк и другие» немного места уделено повести Пильняка «Третья столица» и, в частности, он пишет об отношениях Пильняка с литературной группировкой «Тарапита», по поводу которой у Пильняка в тексте много фантазий. В действительности когда-то в башне находилась другая эстонская литературная группа «Сиуру», существовавшая с 1917 по 1919 год. А. Адсон вспоминал, как он снял у города на несколько лет башню *Pikk jalg* (Длинной Ноги) для группы, которую писатели окрестили «Сиуру».¹⁷ Хотя некоторые из членов «Тарапиты» ранее входили в «Сиуру», например, А. Адсон, М. Ундер, Й. Семпер, Й. Барбарус, но зимой 1922 г., т. е. на момент прибытия Б. Пильняка и А. Кусикова в Таллин, она уже давно прекратила свою деятельность. Возможно, что во время одной из прогулок по старому Таллину тот же Адсон мог показать Пильняку эту башню и рассказать, что раньше здесь собирались писатели, что и послужило отправным пунктом данного эпизода. Несмотря на то, что «Третья столица» вряд ли понравилась эстонским писателям, Пильняку удалось сохранить с ними и в дальнейшем хорошие отношения. Встретившись с поэтом-«тарапитовцем» Й. Семпером в Москве в 1928 г., во время юбилея Л. Н. Толстого, Пильняк вспоминал о теплом приеме, который ему устроили эстонские писатели в 1922 году, когда он 3 дня был в Тарту.¹⁸

Отголоски встреч с эстонскими писателями есть в повести. Прошло всего 2 года после заключения Тартуского мира между Россией и Эстонией, и память о недавно прошедшей войне была еще жива. Пильняк пишет: «Здесь есть рыцари-партизаны, которых чтут, которые своей кровью защищали свое отечество от немцев, от большевиков, от смуты».¹⁹ Самым известным партизаном в Эстонии был и остается, разумеется, Юлиус Куперьянов, погибший от ран в тартуском госпитале, располагавшемся в бывшем отеле «Grand Hotel» (ул. Валликраави, 10) в 1919 году.

---

¹⁷ *Adson, Artur. Marie Underi eluraamat. Kõide 1. Lund: Vaba Eesti, 1974. С. 53.*

¹⁸ *Semper J. Märkmeid moskvakäigult //Looming. 1928. Nr.8. okt. Lk. 794.*

¹⁹ *Пильняк Б. А. Собр. соч. Т. 2. С. 267.*

Как и неназванный персонаж Пильняка, он сражался и с немцами, и с большевиками. Можно предположить, что о нем мог рассказать русскому писателю поэт Хенрих Виснапуу, учившийся в министерской школе в Сипе Тартуского уезда с братьями Августом и Юлиусом Куперьяновыми.²⁰ Во время Освободительной войны Виснапуу был журналистом и в своих мемуарах он неоднократно упоминает о партизанских действиях Ю. Куперьянова.²¹ К тому же у куперьяновцев служил герой Освободительной войны Удо Эйнсильд, с которым Пильняк общался в Таллине, в гостинице «Kuldne Lõvi» («Золотой Лев»)²² Видно, что информацию Пильняк принял к сведению и не упустил случая вставить этот пассаж в текст повести. Однако фамилии партизан по цензурным или по соображениям художественного толка он предпочел все же не называть, ведь, по словам автора, повесть его «отнюдь не реалистическая», а без героев.

Пильняк не единственный из литераторов Советской России, которые побывали в 1920-1930-е годы в Эстонии. Здесь можно вспомнить В. Маяковского, Л. Соболева, Н. Тихонова, В. Вишневского, но он единственный из числа советских писателей, который пишет об эстонцах доброжелательно. Тогда в духе времени хорошо можно было отзываться лишь о революционно настроенном эстонском пролетариате, который мечтает низвергнуть буржуазную Эстонию и влиться в СССР. Пильняк же писал об эстонской интеллигенции, его персонажи — богемные писатели и художники, дипломатические курьеры, министр. Но характерно то, что если русские персонажи имеют имена и фамилии, то обобщенные образы эстонцев анонимны. В повести дважды встречается только одна эстонская фамилия — Сарва:

Мистер Смит посылает телеграмму по адресу:

«Министру Сарва. Ревель, Эстония».²³

Далее в повести действие происходит уже в Таллине в польской миссии:

---

²⁰ *Visnapuu, Henrik. Päike ja jõgi. Mälestusi noorusmaalt. Lund: Eesti kirjanike kooperativ, 1951. С. 161.*

²¹ Там же. С. 331—332.

²² *Kures, Voldemar. Seitsme lukuga suletud raamat. IV köide. Tartu: Plamamaa, 2008. С. 75.*

²³ *Пильняк Б. А. Собр. соч. Т. 2. С. 256.*

«В колонном зале — ночное совещание — враги, мистер Смит, министр Сарва, посол российский Старк и — хозяин — польский консул Пиотровский».²⁴ Сразу оговоримся, что Давид (Тавит) Сарва²⁵ пост министра никогда не занимал, а был заведующим отдела советской России (русским отделом) МИД Эстонии. Министром иностранных дел был в это время Антс Пийп, который в 1908 г. вместе с Д. Сарва поступил на юридический факультет Петербургского университета. Правда, в отличие от своего однокашника, А. Пийп университет успешно закончил и даже был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Как заведующий русским отделом министерства иностранных дел Эстонии Давид Сарва по своему статусу в МИДе был связан с российским посольством и, возможно, там и познакомился с Пильняком (Вогау), который по отцу имел шанс оппироваться в эстонское гражданство. Сарва

---

²⁴ Там же. С. 288.

²⁵ Давид Сарва (David (Tavet) Sarva) родился в волости Ахья Тартумаа в 1872 г. в семье деревенского причетника-учителя. Был взят родственником по матери причетником Ряпинской церкви Раудсеппом на воспитание. Окончил Тартускую учительскую семинарию в 1892 г. и отправился в Петербург, где учительствовал при немецкой церкви св. Михаила. Бросил учительскую должность и поступил агентом в страховую кампанию «Жизнь», посещал различные курсы, обучался музыке и театральному искусству, принимая участие в жизни эстонской колонии в Петербурге (был секретарем в Эстонском благотворительном обществе). В 35 лет Сарва сдал экзамен за гимназический курс и в 1908 г. поступил в Петербургский университет на юридический факультет, но проучился только полтора года. После революции голодал с семьей в Петрограде и при первой возможности через Петроградскую оптационную комиссию прибыл с семьей в 1920 г. в Эстонию. Уже в феврале 1920 г. Сарва был принят на работу в канцелярию второго состава Рийгикогу. Из-за нехватки кадров работал в МИД Эстонии вместе с Х. Хеллатом и Эд. Лааманом, куда 16 октября 1920 г. был назначен заведующим отделом Советской России при МИДе Эстонии. Позже он был переименован в восточный политический отдел и 5. 01. 1923 г. по предложению МИД и по решению правительства ЭР Д. Сарва был освобожден от должности заведующего, поскольку работа по оптации в восточном направлении была завершена. После этого Сарва работал помощником делопроизводителя при Рийгикогу, отсюда его также сократили. Далее он работал в Эстонском телеграфном агентстве, откуда перешел на место секретаря комитета Таллинской биржи. О нем см.: Государственный архив Эстонии (ГАЭ) Ф. 28. Оп. 2. Д. 15255; ГАЭ Ф. 31. Оп. 1. Д. 1457, 12865; 14340; ГАЭ Ф. 80. Оп. 2. Д. 2216; Исторический архив Эстонии (ИАЭ). Ф. 2292. Оп. 1. Д. 72 (биография, 1928), 434 (фото).

упоминается в «Хронике» газеты «Последние известия» за 19 января 1921 г. как участник обеда в гостинице «Коммерс», устроенного советским представителем М. Литвиновым.²⁶ Когда в декабре 1922 г. повесть «Третья столица» вышла в альманахе «Крут», то Пильняк просил критика А. К. Воронского послать книгу в «Министерство иностр<анных> дел, Ревель, тов. министра г. Сорва».²⁷ Речь здесь идет, конечно, о Давиде Сарва. Вполне возможно, что выведение в повести Д. Сарва в качестве «эстонского министра», каковым он не был, сослужило плохую службу, так как уже в конце 1922 г. встал вопрос о его сокращении с должности заведующего русским отделом «в связи с его ликвидацией».²⁸

Кроме Сарва, в письме к Воронскому Пильняк просил выслать сборник с текстом «Третьей столицы» в «Tartu, Pallas "Herrn Duglas"».²⁹ Здесь имеется в виду, конечно, писатель Фридеберт Туглас, который в 1922 г. организовывал вечер Пильняка и Кусикова в Тарту в обществе художников и писателей «Паллас».³⁰ Однако этой книги Пильняка в библиотеке Тугласа не обнаружено.³¹

Гораздо сложнее обстоит дело с русскими эмигрантами, жившими в Эстонии в тот период. Эмигрантскую тему Пильняк начал разрабатывать в 1921 г. в рассказе «Санкт-Питер-Бурх». Один из героев рассказа, офицер русской армии Петр Иванович Иванов, оказался в Пекине в весьма жалком состоянии: «Там в конце, у ворот, у стены под каштанами сидели, стояли, лежали — нищие, прока-

---

²⁶ Хроника // Последние известия. 1921. 19 янв. № 17. С. 4.

²⁷ Пильняк Б. Мне выпала горькая слава...: Письма, 1915—1937 / Сост. Б. Б. Андрионикашвили-Пильняк. М.: Аграф, 2002. С. 197.

²⁸ В биографии Д. Сарва по этому поводу сказано: «...Välisministeerimi teenistusse jäi ta 2 ½ aastat, kuni 1923 aasta algul opteerimistöö lõppes ja osakond likvideeriti» (На службе в Министерстве внутренних дел он оставался 2,5 года, до тех пор, пока в начале 1923 года оптация закончилась и отдел ликвидировали) (ИАЭ Ф. 2292. Оп. 1. Д. 72). Министра иностранных дел Антса Пийпа в 1923 г. также сместили с должности, он возглавил газету «Vaba Maa», а затем был отправлен послом в США.

²⁹ Пильняк Б. Мне выпала горькая слава... С. 197.

³⁰ О теплых отношениях между Пильняком и Тугласом во время визита Пильняка в Тарту см.: Kivikas, A. Seitsmekümmend kirju K. A. Adsonile. 1920—1928 // Eesti Kirjandusmuuseum. EKLA. F. 180. Adson-Under M2: 13. L. Kivikas 1922: 9/14.

³¹ Kruus, Rein. Remizov, Kussikov, Pilnjak ja teised. Lk. 319; Kruus Rein. Ремизов, Кусиков, Пильняк и другие. С. 104—105.

женные, фокусники, гипнотизеры, старики. Мимо шли и ехали на людях и лошадях мистеры и миссис. Офицер стал к нищим и, протянув правую руку, запел по-русски: “Поддай-айте, милостыню, Христа ра-ади!”». ³² Правда, Пильняк сам в то время за границей, а тем более в Китае, не бывал, так что рассказ этот чистой воды фантазия либо по устным рассказам, либо по мотивам советского книжно-публицистического рынка.

Но вот он за границей и все может увидеть своими глазами. Где в Таллине мог Пильняк встретиться с реальными эмигрантами, за исключением вполне фантастического «Черного ворона», фигурирующего в повести? Возможно, что кое-кто из эмигрантов приходил на вечер Пильняка и Кусикова в Таллине или в Тарту. По-видимому, он мог встретиться с писателем и журналистом Владимиром Гущиком, работавшим в новом двуязычном журнале «Teater ja kino. Театр и кино», где дважды появлялась информация о молодых советских писателях. ³³ Рядом с редакцией этого журнала находилась редакция газеты «Последние известия», в которой также была информация о приезде писателей. Вполне вероятно, что Пильняк и Кусиков посещали концерты с участием сестры Кусикова ³⁴ балерины Тамары Бек. 16 января вечером российские писатели вряд ли сразу были в состоянии идти куда-нибудь, а вот во вторник, 17 января, Тамара Бек выступала со своим балетом в кинотеатре Гранд-Марина, ³⁵ где шла программа в трех отделениях на экране и на сцене. В этот день в последний раз показывали балет «Цыганка», поставленный Т. Бек, с ней и танцовщиком А. Никитиным в заглавных ролях. В течение вечера можно было посмотреть «фильму» «Лассо смерти» и комедию «Рыцарь без страха». Цены на билеты были от 15 до 90 марок, но писателей могла бесплатно провести сама прима Т. Бек, пользовавшаяся успехом у публики, хотя и не таким громким, как другая именитая русская балерина Е. Литвинова. ³⁶ В субботу, 21 января, Т. Бек

---

³² Пильняк Б. Собр. соч. Т. 2. С. 411.

³³ [Вечер]. [Объявление] // Teater ja kino=Театр и кино. 1922. №. 9. 4—10 veebr. С. 2.

³⁴ Кусиков Александр. Писатели о себе // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 43—45.

³⁵ Grand-Marina находилась по адресу: Мерепууестеэ 10, т. е. недалеко от российского посольства, где разместились Пильняк и Кусиков.

³⁶ [Объявление] // Последние известия. 1922. 17 янв. № 13. С. 1.

выступала в ресторане «Линден» (Нарвское шоссе, 4) на прощальном бенефисе куплетиста Петра Нарсона.³⁷ В это же самое время разномастная русская публика Таллина, вкупе с еврейской интеллигенцией, собирались в клубе «Х. Н. Бялика» на вечер памяти только что умершего в России В. Г. Короленко.³⁸ Наконец, в газете «Последние известия», в отделе «Хроника», появилось краткое сообщение о том, что «На днях в Ревель прибыли из Москвы поэт Александр Кусиков и писатель Борис Пильняк (Вочау <так! — Г. П., Т. Ш.>), которые останутся тут некоторое время, направляясь в Берлин».³⁹

В повести Пильняка эмигранты представляют собой разношерстный конгломерат.

Среди этой публики, в связи с Ревелем упоминаются Лоллий Львович Кронидов и Виктор Чернов. Большинство других эмигрантов, изображенных Пильняком, относятся к числу собирательных вымышленных образов, сконструированных из иронически гипертрофированных образов классической русской литературы и бульварной эмигрантской прессы. В самом отталкивающем виде у Пильняка выведен князь (*князьинька*) Павел Трубецкой, дошедший в эмиграции до крайней нужды. Он участвует в качестве натурщика при съемке порнографических фотографий и растлеивает юных российских девиц-дворянок, лишенных почвы. Заметим, что Пильняк дает этому персонажу имя и отчество известного скульптора Павла Трубецкого, случайность ли это или преднамеренный ход, выяснить пока не удалось. Но, возможно, что именно этот сюжет в повести Пильняка, а также постоянный рефрен о связи европейской культуры с традицией публичных домов дали толчок к публикации в 1927 году в ревельских «Последних известиях» перепечатки статьи известного писателя Мих. Арцыбашева, в свое время признанного адепта российской литературной порнографии, теперь же проживавшего в новом европейском государстве Польше, под откровенным названием «Мимоходом. Проститутка».⁴⁰ Видимо, на оценку творчества Пильняка Арцы-

---

³⁷ [Объявление] // Последние известия. 1922. 19 янв. № 15. С. 1.

³⁸ П. И. В честь памяти В. Г. Короленко // Последние известия. 1922. 19 янв. № 15. С. 3.

³⁹ Хроника // Последние известия. 1922. 19 янв. № 15. С. 4.

⁴⁰ Арцыбашев М. Мимоходом. Проститутка (По поводу Б. Пильняка) // Последние известия. 1927. 25 янв. № 23. С. 3.

башевым не в последнюю очередь повлияло негативное изображение эмиграции в «Третьей столице».

Для нас более интересен образ Лоллия Кронидова. В книге О. Казниной «Русские в Англии» указывалось, что одним из прототипов эмигранта Лоллия Кронидова стал писатель и журналист Лоллий Львов.⁴¹ Как пишет сам Пильняк: «Странные бывают совпадения — иному все совпадения полны мистического смысла».⁴²

Реальный Л. И. Львов в начале 1920-х годов жил между Финляндией и Эстонией.

Он работал в издававшейся в Хельсинки (с 1919 по 1922 г.) газете «Новая русская жизнь» и был ее представителем в Таллине. В объявлениях о подписке на газету «Новая русская жизнь» от 1 января 1922 года и 22 марта 1922 года указан адрес Львова: Reval Raua 5, k.3.⁴³ Это означает, что в тот же самый период, когда Пильняк был в Таллине, там же мог находиться и Лоллий Львов. В докторской диссертации А. Меймре говорится, что, по данным эстонского МВД, Львов в начале 1922 г. уехал в Финляндию, а Куסיгов с Пильняком в это время как раз были в Эстонии.⁴⁴ Так, в берлинском журнале «Новая русская книга» в рубрике «Писатели о себе» Б. Пильняк писал: «Границу с паспортом Российской республики переехал в Ямбурге 16-го января 1922 года. В Ревеле жил три недели».⁴⁵

То, что образ Кронидова связан с эмигрантской журналистикой, прямо явствует из текста: «Лоллий Львович писал брату, что в России людоедство, большевики деморализованы, власти на местах нет, власть падает, всюду бунты, восстание карелов превращается в национальный крестовый поход за Россию, в Балтийском море пиратствуют советские суда из Кронштадта, Россия же, где людоедство, оказалась неким бесконечным пустым пространством, где на снегу, чуть прикрытые лохмотьями,

---

⁴¹ Казнина О. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: На-следие, 1997. С. 334.

⁴² Пильняк Б. Собр. соч. Т. 2. С. 272.

⁴³ [Подписка] // Новая русская жизнь. 1922. 1 янв. № 1; [Подписка] // Там же. 1922. 22 марта. № 68.

⁴⁴ Меймре А. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии: 1918—1940. С. 79.

⁴⁵ Пильняк Б. Писатели о себе // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 42—43.

были люди из каменного века, волосатые, с выросшими челюстями, с пальцами на руках и ногах, как прудовые коряги, причем около одних, сидящих, кроме ржаной каши и конины, лежали — у каждого по пять наганов, по пять винтовок, по пять пулеметов и по одной пушке, — другие же люди, безмерное большинство, лежали или ползали на четвереньках, разучившись ходить, и ели друг друга».⁴⁶

Темы и употребляемые термины в письмах Кронидова, несомненно, взяты Пильняком из эмигрантской прессы. Для примера в популярной ревельской ежедневной газете «Последние известия» за январь-начало февраля 1922 г. можно даже по заголовкам найти все перечисленные Пильняком темы: *Вести из России. Борьба в Карелии — К борьбе на Дальнем Востоке — Вести из России. Кошмары голода — Финляндия и Карелия — Волнения в северо-западной России — Восстания крестьян — Катастрофическое положение большевиков на Дальнем Востоке — Ужасы голода в России — Голодающие в Петрограде и эпидемии — Германский врач подтверждает о массовых случаях людоедства в совдепии — Убийства и грабежи в Петрограде — В Эстии обнаружена большевистская шпионская организация — Людоедство и т. д.*

В рубрике той же газеты «Недостававшие телеграммы», идущей сразу же после «Хроники», можно было почерпнуть информацию о фамилиях адресатов и местонахождении корреспондентов по всей Европе.

Отметим, что творчество Пильняка было известно Львову-критику. Так, в газете «Новая русская жизнь» за 14 апреля 1922 г., т. е. уже после отъезда Пильняка из Эстонии, в разделе «Библиография» он поместил обзор второго номера журнала «Новая русская книга» за 1922 год. В нем поминаются материалы, которые опубликовал «молодой беллетрист Б. Пильняк», рецензия на его книгу «Былье» (Львов замечает, что она переиздана в Ревеле) и собственная статья Пильняка.⁴⁷

В свою очередь и писания Львова могли заинтересовать Пильняка. Незадолго до поездки в Таллин он разрабатывал петербургскую тему, и вряд ли мимо его внимания прошел рассказ Л. Льво-

---

⁴⁶ Пильняк Б. Собр. соч. Т. 2. С. 272—273.

⁴⁷ Л-въ [Львов], Лоллий. Библиография. Новая Русская книга. № 2. Изд-во Ладыжникова. Берлин. 1922. // Новая Русская Жизнь. 1922. 14 апр. № 87.

ва «Петр Великий».⁴⁸ Между тем в письме к Е. Замятину от 19 января 1922 г. из Таллина Пильняк отмечал: «Ревель — нам — является продолжением СПб-а».⁴⁹ А к Петербургу отношение у Пильняка было сложное. Так в автобиографии «Писатели — о себе» он отмечал: «Перед заграницей в Петербурге жил», а в рецензии на книгу М. М. Шкапской «Mater Dolorosa», написанной в феврале 1922 г. в Берлине, констатирует: «Не люблю Петербурга и папку его не люблю — Петра».⁵⁰

Не исключено, что, компилируя образ русского эмигранта Лоллия Кронидова, Пильняк играл на совпадение имен эмигрантского критика с псевдонимом и фамилией известного еще с дореволюционных времен критика В. Л. Львова-Рогачевского.⁵¹ Надо полагать, что необычное имя героя Лоллий⁵² Львович да еще Кронидов⁵³ весьма будили причудливую фантазию Пильняка. В повести оказывается, что фамилия (связанная с поверженными богами) и львиное отчество вступают в контраст с образом Кронидова в халате, с девичьими руками и влюбленностью в «тургеневскую девушку», образ которой совсем не вязался с эмигрантским бытом. Он разбирает телеграммы и письма, причем отрывок из письма о чествовании Врангеля в Белграде

---

⁴⁸ *Львов Л.* Петр Великий // Русская мысль (София). 1921. Кн. X—XII. С. 100—104.

⁴⁹ *Пильняк Б.* Писатели о себе // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 42.

⁵⁰ *Пильняк Б.* М. М. Шкапская. «Mater Dolorosa». Петербург. 1922. [Рец.] // Новая русская книга. 1922. № 3. С. 7—8.

⁵¹ Львов-Рогачевский (псевдоним Василия Львовича Рогачевского, другие псевдонимы: В. Львов, Ното, 1874-1930), критик и литературовед-популяризатор; руководил организацией «Литературное звено», был членом правления Всероссийского союза писателей, членом ГАХН, в течение ряда лет читал лекции по литературе в московских вузах. Его популярные книги «Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин» (М., 1919) и «Очерки по истории новейшей русской литературы» были, конечно, Пильняку известны.

⁵² Имя *Л о л л и й* ведет начало от римского родового имени, л а т . д о с л о в н о «полевая трава». По-эстонски *loll* означает дурак. Возможно, что эстонские писатели шутили на этот счет.

⁵³ Согласно толкованию имени Кронид — сын Кроноса, им владеют сильные страсти, он вечно собой доволен и твердо намерен брать все, что он хочет от жизни. Твердость, решительность — вот сущность его натуры. Кронид непокорен, бунтует всегда и везде — сам бунт прельщает его более мира. Вооруженный своим интеллектом, он не страшится проблем.

также чуть ли не дословно заимствован из эмигрантских газет того времени.

В Таллине Пильняк жил в старом городе, на улице Лай (Широкая), существовавшей с XIV века. Эта улица издавна известна русскому читателю по «Поездке в Ревель» Бестужева-Марлинского. В начале 1920-х годов на ней же находился зал еврейского литературно-художественного кружка имени «Х. Н. Бялика», где Б. Пильняк и А. Кусиков выступали с чтением своих произведений.⁵⁴ Поскольку была зима, и прогулки совершались, в основном, по центру старого города, то и в повести «Третья столица» описан центр Таллина зимой и в сумерках, и в этот суровый пейзаж несколько искусственно, со ссылкой на сон, вписана картина тяжелой доли эмигранта. Если В. Шишков в повести «Пейпус-озеро» изображает агонию Северо-Западной армии конца 1919-начала 1920 г., то Пильняк первым в советской литературе касается жизни русских военных в Эстонии после окончательного распада Северо-Западной армии. Для него «те, кто не хочет русской мути, метели и смуты, кто ушел от России — тот вне России фактически. Имя им — изгой». И в связи с этим далее он пересказывает свой сон: «Я видел метель, мутный рассвет, Домберг, — то, как под Домбергом, толпой оборванцев шли наши эмигранты за Катринталь, в лес к взморью, — шли из бараков-пилить дрова, валить лес, чтобы есть впроголодь своим трудом».⁵⁵

Здесь, как и по всему тексту повести, Пильняк постоянно играет эстонско-немецко-русскими названиями топосов Таллина.⁵⁶ В этом небольшом фрагменте Домберг — это Тоомпеа, Катринталь — Катериненталь, Кадриорг, т. е. это компиляция эстонского и немецкого названия парка. Изображение эмигрантов среди зимнего пейзажа, возможно, связано с какими-то рассказами очевидцев. Известно, что многие бывшие северо-западники жили в бараках, и их отправляли в 1920-1922 гг. в принудительном порядке на лесозаготовки.⁵⁷ Лесозаготовки были для Пильняка также

---

⁵⁴ Объявление // Последние известия. 1922. 4 февраля. № 29. С. 1.

⁵⁵ Пильняк Б. Собр. соч. Т. 2. С. 334.

⁵⁶ Подробнее см.: Пономарева Г. М., Трофимов И. В. Балтийский топос в повести Б. Пильняка «Третья столица» // Б. А. Пильняк: Исследования и материалы. Межвуз. сб. науч. работ. III-IV. Коломна, 2001.

⁵⁷ См.: Мейлре А. Эмиграция из-под Петрограда в Эстонию в 1919 и начале 1920-х гг.: Исторический, культурный и социальный фон // Русские

не пустым звуком, ведь его псевдоним «Пильняк» не был случайным, а взят от названия жителей деревни Пильнянки, занимавшихся этим промыслом. И тут важно, что Пильняк называет эмигрантов «нашими», а ведь для большинства советских писателей эмигранты были «чужие». Но одновременно он подчеркивает их реакционность: «В те годы было много кобленцев».⁵⁸ Кобленц — немецкий город, куда после взятия Бастилии в 1789 г. съехалось множество реакционно настроенных французских эмигрантов.

Общеизвестно, что целью визита Пильняка за границу была не только продажа рукописей и налаживание контактов с зарубежными издательствами, но и задание властей: вернуть писателей из эмиграции в Россию. Г. Адамович в статье «Борис Пильняк» описывает странную сцену перед отъездом писателя за границу в петроградском «Доме искусств», в комнате Слонимского: «Комната маленькая, вся задымленная. В ней человек двадцать, кто на кровати, кто на полу. Один вполголоса читает стихи. Другой плачет, сам не знает почему. Посередине стоит Пильняк, трезвый, честный, с лицом сельского учителя, и отчаянным голосом, вероятно в десятый раз, спрашивает: “Господа, так что же я должен передать русской эмиграции?”. Никто его не слушал и никто ему не отвечал».⁵⁹ Из текста повести также не ясно, как осознавал Пильняк свою миссию в отношении эмигрантов, но вскоре из-за границы в советскую Россию вернулись А. Н. Толстой, Г. В. Алексеев, И. С. Соколов-Микитов.

Но вернемся в Эстонию. После двухнедельного пребывания в стране во вторник 7, а не как было сначала объявлено в понедельник 6 февраля, в зале кружка им. «Х. Н. Бялика» состоялась, наконец, встреча «поэта-имажиниста Александра Кусикова и беллетриста Бориса Пильняка» с читателями Ревеля.⁶⁰ В программе вечера анонсировалось сообщение о современной русской литературе и чтение своих произведений. Билеты на встречу можно было

вне России: История пути. Таллин, 2008. С. 86—92.

⁵⁸ Пильняк Б. Собр. соч. Т. 2. С. 268.

⁵⁹ Адамович Г. С того берега. М.: Республика, 1996. С. 33—34.

⁶⁰ Обратим внимание, что одновременно на сцене русского театра шел бенефис Л. Эберга «Король Арлекин», надо думать, что многие местные русские театралы были в тот вечер там. Любители музыки могли сходить на концерт Ю. Г. Южной в театр «Эстония», в ресторанах также шли многочисленные увеселительные представления.

приобрести в кафе Григорьева по улице Глиняной (Сави), 16. В краткой рекламной заметке, более посвященной Кусикову, о Пильняке мимоходом говорилось: «Б. Пильняк — молодой писатель, произведения которого вследствие затруднительности печатания почти не известны не только в эмиграции, но и в советской России».⁶¹

Хотя в письме к Н. С. Ашукину от 8 февраля 1922 г. Пильняк сообщал: «Пишут о нас в газетах. Одолевают интервьюеры»,⁶² но отметим, что русская пресса Ревеля на этот вечер не откликнулась.

Зато из более раннего письма М. Будберг Горькому от 28 января явствует, что к ней в гости в Ревеле ходил Пильняк: «Здесь Пильняк. Ждет визы в Германию. Бывает у меня, очень дипломатически разговаривает. Забавный. Не совсем знает, как надо поступать, что действительно для российского гражданина является трудной задачей, но кажется разберется. Пишет. Ругает Шкловского за то, что тот любит себя больше, чем искусство, но это себялюбие, наивное у Шкловского, у него самого возведено в культ».⁶³ По-видимому, знакомство с Будберг с Пильняком произошло ранее, так как в письме, написанном в мае 1921 г., она называет его «нашим приятелем».⁶⁴

Что касается В. Шкловского, давшего поручение Пильняку перевезти за границу свои письма и рукопись,⁶⁵ то он, в свою очередь, невысоко оценил «Третью столицу» Пильняка: «“Третья столица” вещь подражательная, в ней автор пишет сам под себя, обманно ссылаясь на Ремизова».⁶⁶ Но он единственный из критиков

---

⁶¹ Б. Пильняк и А. Кусиков // Последние известия. 1922. 5 февраля. № 30. С. 4; Завтра вечером // Последние известия. 1922. 6 февраля. № 31. С. 4; См.: Шор Т. Борис Пильняк и Эстония // Балтийский архив. Т. IX. Вильнюс, 2005. С. 39.

⁶² Пильняк Б. Мне выпала горькая слава... С. 143.

⁶³ Горький А. М. и М. И. Будберг: Переписка (1920-1936). М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 59.

⁶⁴ Там же. С. 35.

⁶⁵ В письме к Е. Замятину из Ревеля от 19 января 1922 г. Пильняк жаловался, что на таможене у него отобрали письма и рукопись Шкловского. См.: «Нас с тобой ниточкой черт связал» // Наше Наследие. 2004. № 69. С. 98.

⁶⁶ Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933) / М., 1990. С. 271.

обратил внимание на изображение Таллина в повести, хотя очень невнимательно прочел текст, потому что везде заменил Ревель Ригой. По Шкловскому, Пильняк провокативно видит древность культуры через первую и вторую древнейшие профессии, т. е. проституцию и журналистику: «Сама Рига — ее культура, традиция — дана через постоянное упоминание древности одного публичного дома». ⁶⁷ На самом деле — это о Таллине, но дожившему до глубокой старости Шкловскому лень было исправить свою ошибку.

Текст повести «Третья столица» дает возможность для более углубленной интерпретации как проблемы русской эмиграции в глазах представителей советской России в ближнем зарубежье, так и для осознания нового европейского административно-политического устройства. Уже в статье «Заказ наш», написанной 18 февраля 1922 г., Пильняк в духе пролетарских писателей сравнивает революцию с молотом: «Не случайно хряпнул октябрь по интеллигенции русской так, что брызгом из-под наковальни разлетелась по всему земному шару». ⁶⁸ В «Третьей столице» речь идет об отпадении пограничных областей и политической эмиграции, но используется более изощренный троп: «Великая Россия великой революцией метнула по принципу метания батавских слезок, — Эстией, Латвией, Литвой, Польшей, Монархией, Черновым, Мартовым, Дарданеллами, — русской культурой». ⁶⁹ *Батавские слезки* — неразбиваемое стекло, от которого оказывается все же можно отколоть край. Здесь любопытно отметить, что с первого взгляда в несколько алогичном ряду новых государств, обозначения правления и знаменательным названием пролива, упоминаются две политические фигуры, и одна из них — весьма знаковая. Это эмигрант, видный эсер, министр земледелия Временного правительства, председатель Учредительного собрания В. М. Чернов, живший в Эстонии под чужим именем «Борис Сергеев» с начала 1920-х годов. Его связи с Эстонией были довольно продолжительными: в 1891-1892 гг. он учился в Тарту в последнем классе гимназии, затем в августе 1917 года приезжал в Ревель в качестве министра Временного правительства, здесь в 1917 г. вышла

---

⁶⁷ Там же. С. 272.

⁶⁸ Пильняк Б. Заказ наш // Новая русская книга. 1922. № 2. С. 1—2.

⁶⁹ Пильняк Б. Собр. соч. Т. 2. С. 245—246.

его брошюра.⁷⁰ В начале 1920-х годов Таллин становится крупным эсеровским центром. Здесь выходили газеты «Народное дело», «За народное дело», журнал «Революционная Россия». Саратовский историк А. П. Новиков в статье «Издательско-публицистическая деятельность В. М. Чернова в Эстонской Республике (1920-1922)» предполагает, что Чернов был в Эстонии до конца марта 1922 г.⁷¹ У нас нет оснований считать, что Чернов виделся с Пильняком, как он встречался с Ремизовым в Таллине 31 августа 1921 года.⁷² Чернов жил в Эстонии по подложному паспорту, поэтому избегал лишних контактов. Писательница, эсерка А. Ф. Даманская, знавшая Чернова еще до революции, случайно встретилась с ним в конце 1920 г.: «На лестнице одного загородного элегантного пансиона встретила В. М. Чернова. — А... — он знаком указательного пальца, прижатого к губам, предупредил дальнейшие мои восклицания. — Я здесь не Виктор Михайлович, а Борис Николаевич, — назвал и фамилию. Я забыла ее».⁷³ За Черновым охотились советские шпионы, поэтому он был осторожен. Вполне возможно, что Пильняк в Таллине читал или хотя бы листал эсеровские издания, выходявшие в Эстонии в конце 1921 г., например, журнал «Революционная Россия», где была опубликована рецензия Чернова на советские издания 1920 г.: журнал «Книга и революция» и сборник на правах рукописи «Красная Москва».⁷⁴ Наверняка

---

⁷⁰ Чернов В. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Партий социалистов-революционеров. № 29. Изд. Ревельского Комитета Партии Социалистов-Революционеров. Ревель: Тип. И. и А. Пальман. 1917. Подробнее о В. М. Чернове в Эстонии см.: *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии. 1918—1940: Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. 367—372; Šor, Tatjana. Terrorismi anatoomia: Viktor Tšernovi mälestused juudisoost kaasvõitlejatest // Akadeemia. 2008. № 11. Lk. 2508—2514.

⁷¹ Новиков А. П. Издательско-публицистическая деятельность В. М. Чернова в Эстонской Республике: (1920-1922). // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века. Тарту, 2005. С. 179.

⁷² Ремизов А. М. Дневник. 1917—1921. С. 502.

⁷³ Даманская А. Ф. На экране моей памяти. The New Review. Новый журнал. Кн. 198-199. Нью-Йорк. 1996. С. 286.

⁷⁴ В ней, в частности, говорилось: «Раньше только литературные “публиличные мужчины” у которых на лбу явно красовались неписанные “роковые слова — продается с публичного торга” придерживались циничного правила: чей хлеб-соль кушаю, того и песни пою... Русская литература перестала существовать» (Чернов В. Убийство русской литературы //

Пильняку была известна и книга Чернова «Записки социалиста революционера», вышедшая в 1922 г. в Берлине.⁷⁵ Чернов так же мог слышать о молодых советских писателях через прессу или эстонских знакомых жены Иды Самойловны Сырмус-Пыдер или от поэта Х. Виснапуу, общавшегося с Пильняком.⁷⁶

Нет оснований полагать, что Пильняк до конца разобрался в сложных национальных и политических отношениях между людьми в эстонской столице. Вероятно, какие-то разговоры о Чернове и его эстонском окружении велись, но открыто об этом говорить было вряд ли возможно. Журналист В. Курес в своем дневнике вспоминает эпизод в Таллине, когда Пильняк представил Уно Эйнсильда жене советского посла как секретаря Чернова. Перепуганная дама тут же вскочила, как ужаленная, и ушла.⁷⁷

В начале апреля Пильняк вернулся в Коломну из своей первой зарубежной поездки и 3 мая 1922 г., т. е. в то время, когда он работал над повестью «Третья столица», писал экономисту и писателю Д. А. Лутохину: «Я очень люблю как людей — к примеру, Луначарского и Чернова».⁷⁸ Между тем, Лутохин приходился дальним родственником Чернову и общался с ним в годы эмиграции в Чехии (1923—1927), оставив интересные воспоминания о вожде эсеров.⁷⁹ Чем можно было бы объяснить эту симпатию Пильняка к лидеру эсеров? Во-первых, их объединяли общие саратовские корни. Отец Пильняка Андрей Вогау родился в Саратове, и в одно и то же время вместе с братом В. Чернова Владимиром Черновым учился в Юрьеве (Дерпте).⁸⁰ Во-вторых, мать Пильняка, Ольга Ивановна Савинова, была также родом из Саратова и какое-то время, по свидетельству родственников, была невестой

Революционная Россия. 1921. № 10. С. 6, 7).

⁷⁵ Чернов В. Записки социалиста революционера. Берлин; Пб.; М.: Изд. Гржебина. 1922.

⁷⁶ *Visnapuu, Henrik*. Päike ja jõgi. Mälestusi noorusmaalt. Lk. 295.

⁷⁷ *Kures, Voldemar*. Seitsme lukuga suletud raamat. IV köide. Tartu: Ilmamaa 2008. Lk. . 76.

⁷⁸ Пильняк Б. Мне выпала горькая слава... С. 166.

⁷⁹ См.: Лутохин Д. А. Зарубежные пастыри. В. М. Чернов // В. М. Чернов: Человек и политик. Материалы к биографии. Саратов, 2004. С. 198—207

⁸⁰ ИАЭ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1347.

В. М. Чернова.⁸¹ Сам Пильняк начинал учиться в Саратовской гимназии и позже часто приезжал в Саратов. В-третьих, сама личность Чернова — лидера эсеров, несмотря на эмиграцию, имела в начале 1920-х годов для российской интеллигенции ореол праведника, а большевистская правота не казалась такой уж очевидной.

11 февраля 1922 г. Пильняк и Кусиков приехали в Германию и вскоре в Берлине, в кафе «Ландграф», прошел их творческий вечер⁸², на котором было «много самого разнообразного народа. И вся редакция газеты “Руль” во главе с И. В. Гессеном, и меньшевики, и левые эсеры с Шрейдером, Лундбергом и очаровательными грузинками».⁸³

Для Пильняка эти три недели, проведенные в Эстонии, не прошли даром ни в творческом, ни в личностном плане. В 1920-1930-е годы его рассказы переводятся на эстонский язык, а в 1934 г. он снова посетил Таллин и Тарту уже титулованным советским писателем. При посредстве Пильняка была предпринята, правда, не увенчавшаяся успехом, попытка издать в Москве антологию современной эстонской прозы.⁸⁴ Но «Третья столица» на эстонский язык так никогда и не переводилась. Единственная заметка, связанная с выходом повести, появилась в петроградской газете «Edasi», но для писателей и переводчиков в самой Эстонии она оказалась неприемлемой.

---

⁸¹ Пользуемся случаем поблагодарить за подробную консультацию по данному вопросу, предоставленную нам А. П. Новиковым.

⁸² Подробнее см.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921—1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-Press. Москва, 2003.

⁸³ Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Том 1. Россия в Германии. М.: Б.С.Г—ПРЕСС, 2001. С. 192.

⁸⁴ Шор Т. Борис Пильняк и Эстония. С. 55—56.